

Russkaja starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1874 г.

ТОМЪ X.

DK
1
.R89
v. 10

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

110

A. S. Griboedov

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

1795 — 1829.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

1795—1829.

Сохраненіемъ писемъ Грибоѣдова, составляющихъ сущность предлагаемой статьи, русская литература обязана покойному О. В. Булгарину. Благоговѣя предъ памятью покойнаго Грибоѣдова, онъ, какъ святыню, берегъ малѣйшій доскутъ бумаги, писанный его рукою. Письма, въ числѣ прочихъ любопытныхъ бумагъ, хранились въ архивѣ покойнаго Булгарина; нынѣ архивъ этотъ обязательно предоставленъ въ распоряженіе редакціи „Русской Старины“ Болеславомъ и Владиславомъ Оадѣевичами Булгаринными при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Нѣкоторые изъ ниже приведенныхъ писемъ были уже напечатаны, но съ такими значительными пропусками и въ столь давнее время, что появленіе ихъ нынѣ въ печати составить, если можно такъ выразиться, почти новость для многихъ изъ читателей. Большая часть этихъ писемъ проливаетъ яркій свѣтъ на характеристику Грибоѣдова и можетъ служить довольно вѣрнымъ матеріаломъ для полной біографіи автора „Горя отъ ума“.

Такъ какъ многія письма имѣютъ надобность въ поясненіяхъ и въ указаніяхъ на обстоятельства, при которыхъ онѣ были писаны, то мы предоставили одному изъ нашихъ сотрудниковъ связать ихъ въ послѣдовательный біографическій очеркъ. Независимо отъ бумагъ Грибоѣдова, а также печатныхъ матеріаловъ, къ которымъ составитель очерка обращался, онъ пользовался и изустными разказами нѣкоторыхъ современниковъ и короткихъ знакомыхъ Грибоѣдова.

Ред.

I.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 года.¹⁾ Не распространяясь о его предкахъ, замѣтимъ, что родители Александра Сергѣевича — Сергѣй Ивановичъ и Настасья Ѳедоровна, были однофамильцы и вели свой родъ отъ одного и того же корня.²⁾ Фамилія Грибоѣдовыхъ, въ которой принадлежалъ Александръ Сергѣевичъ, состояла въ родствѣ съ князьями Одоевскими, съ Нарышкиными, Римскими-Корсаковыми и съ графами Разумовскими; ³⁾ двоюродная сестра Александра Сергѣевича, Елисавета Алексѣевна (рожд. Грибоѣдова), была супругою († 1856 г.) князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго († 20-го января 1856 г.).

Первоначальное образованіе Грибоѣдовъ получилъ въ родительскомъ домѣ. Трудно связать, на сколько заботились родители о первоначальномъ его воспитаніи. Мать Александра Сергѣевича, Анастасія Ѳедоровна (рожд. Грибоѣдова, въ замужествѣ съ 1793 г., † 1834 г.), женщина заносчивая, характера вообще тяжелаго, едва-ли могла имѣть благотворное вліяніе на умъ и сердце Грибоѣдова; отецъ его, Сергѣй Ивановичъ, повидимому, игралъ въ своемъ семействѣ роль второстепенную; по крайней мѣрѣ, о немъ до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній... Единственнымъ другомъ дѣтства Грибоѣдова была его сестра — Марья Сергѣевна († 1856 г., въ замужествѣ за г. Дурново), подобно брату своему, одаренная замѣчательною способностію къ музыкѣ и впоследствии отличная піанистка. У Грибоѣдовыхъ въ Москвѣ былъ довольно обширный кругъ знакомства и въ гостиной родителей будущій авторъ «Горя отъ ума» имѣлъ возможность вдоволь насмотрѣться на типы, которые онъ впоследствии обезсмертилъ

¹⁾ Г. Серчевскій, издатель книги: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія» (Спб., 1858 г.), указывая годъ рожденія Грибоѣдова, допустилъ ошибку, обозначивъ на стр. V-й — 1794 годъ, а на стр. XLIV, при описаніи памятника Грибоѣдова, 1793 г. Этою же цифрою означенъ годъ рожденія Александра Сергѣевича и въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара (Спб., 1838 г. т. XV, стр. 131).
Ред.

²⁾ См. «Москвитини» 1856 г., № 11, книга 2-я, наше «Письмо о фамиліи Грибоѣдовыхъ». См. также «Русскую Родословную книгу», изд. «Русской Старины» 1873 г., стр. 152.
Ред.

³⁾ Сестра Алексѣя Ѳедоровича, Анна Ѳедоровна Грибоѣдова, была за графомъ Разумовскимъ.
Ред.

въ воей комедіи подъ именами: Фамусова, Скалозуба, князя Тугоуховскаго, княгини, княженъ, Хлестовой и проч. Понятно, что глубоко должны были вѣзаться въ память Грибовдова эти личности.

Не думаемъ, что мы удалимся отъ правды, если скажемъ, что житье Грибовдова въ родительскомъ домѣ было непривольно и невесело. Нѣтъ сомнѣнія, что оно развило въ его характерѣ ту меланхолю и ту нервную раздражительность, которыми онъ потомъ всегда отличался. Первыми его наставниками были: извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозиліусъ и докторъ правъ Богданъ Ивановичъ Іонъ. Подъ ихъ руководствомъ Грибовдовъ приготовился къ поступленію въ университетъ вольнослушателемъ (1810) и посѣщалъ лекціи профессоровъ: Гейма, Буле, Сохацкаго, Рейнгардта, Шлѣдера и Снегирева. О времени пребыванія своего въ университетѣ Грибовдовъ сохранилъ во всю жизнь самыя отрадныя воспоминанія, но съ особеннымъ уваженіемъ отзывался онъ объ И. И. Буле, который читалъ тогда въ университетѣ естественное и народное право и занимался съ Грибовдовымъ у него на дому «разными отраслями наукъ умозрительныхъ».

Наступилъ 1812 годъ. Выдержавъ экзаменъ и удостоенный степени кандидата правъ, Грибовдовъ, увлекаясь духомъ времени, поступилъ въ военную службу корнетомъ во вновь формируемый тогда графомъ Салтыковымъ московскій гусарскій полкъ (26-го іюля 1812 г.) Четыре года (1812—1816) прослужилъ Грибовдовъ въ военной службѣ, не принимая, однако, участія въ битвахъ, ознаменовавшихъ эти достопамятные годы. Еще въ 1812 году, вскорѣ послѣ смерти графа Салтыкова, московскій гусарскій полкъ былъ распущенъ и Грибовдовъ, въ чинѣ корнета, перешелъ въ Иркутскій гусарскій полкъ съ прикомандированіемъ къ резервному кавалерійскому корпусу, состоявшему подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Андрея Семеновича Кологривова. Главная корпусная квартира находилась тогда въ Брестѣ-Литовскомъ. Кутежи, попойки, карты, женщины—были тамъ любимѣйшею забавой офицеровъ, и Грибовдовъ не отставалъ отъ разгульныхъ товарищей. Къ счастью для Грибовдова, судьба послала ему друга въ лицѣ Степана Никитича Бѣгичева, бывшего тогда адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ. Въ немъ Грибовдовъ нашелъ умнаго, пріятнаго собесѣдника и

добраго руководителя, всегда умѣвшаго отвлекать пылкаго юношу отъ вредныхъ шалостей и излишнихъ кутежей. Бѣгичевъ же пробудилъ въ юномъ своемъ другѣ и благородную охоту къ занятіямъ литературнымъ. Еще въ университетѣ Грибоѣдовъ писалъ стихи, не лѣтаясь, впрочемъ, мыслию видѣть ихъ въ печати. Уступая требованіямъ Бѣгичева, Грибоѣдовъ опять принялся за перо и первыми его литературными опытами, напечатанными въ 1814 г., были двѣ статьи: «О кавалерійскихъ резервахъ» и «О праздникѣ, данномъ генералу Кологривову его офицерами» (22-го іюня 1814 года). Въ описаніи праздника помѣщены были и стихи, или скорѣе, вирши, на которые, конечно, никто не обратилъ вниманія. Пиръ, судя по описанію, былъ гомерической и обошелся учредителямъ въ 10,000 руб. ассигн.; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ опроверженіе пословицы: «сытый голоднаго не разумѣетъ», Грибоѣдовъ при своей статьѣ, отъ лица всѣхъ товарищей, препроводилъ въ редакцію «Вѣстника Европы» тысячу рублей для раздачи бѣднымъ, пострадавшимъ при пожарѣ Москвы.¹⁾

Въ томъ же 1814 году, въ бытность свою въ Польшѣ, Грибоѣдовъ познакомился съ княземъ Александромъ Александровичемъ Шаховскимъ. Бесѣды съ этимъ знаткомъ нашей сцены возбудили въ Грибоѣдовѣ страсть къ театру и онъ рѣшился испытать свои силы на поприщѣ драматургіи. На досугѣ онъ перевелъ съ французскаго стихами небольшую комедію («Le secret du ménage») подъ заглавіемъ «Молодые Супруги», и съ этой пьесой молодой авторъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ лѣта 1815 г. Новое общество, новые люди, новыя впечатлѣнія ожидали здѣсь Грибоѣдова.

II.

Люди александровскихъ временъ въ своихъ «Запискахъ» съ удовольствіемъ вспоминаютъ о русскомъ театрѣ въ царствованіе 1817—1826 гг. Мнѣніе людей минувшаго поколѣнія хотя отчасти и пристрастно, однако же во многихъ отношеніяхъ справедливо. Театръ и литература были насущными потребностями тогдашняго образованнаго общества, относившагося къ нимъ съ

¹⁾ Кромѣ этихъ денегъ, на праздникъ было собрано по подпискѣ въ пользу бѣдныхъ и госпиталя до 6,500 рублей. См. объ этомъ письмѣ въ замѣткахъ М. Н. Лонгинова: «Современникъ» 1857 г., кн. III, стр. 53. Ред.

тѣмъ горячимъ сочувствіемъ, которое во всякомъ государствѣ служить мѣриломъ общественнаго образованія. Особенную любовь къ театру питала тогдашняя военная молодежь. Многие гвардейскіе офицеры писали и переводили для театра;¹⁾ по вечерамъ составляли пріятельскіе кружки, въ которыхъ читались произведенія лучшихъ драматурговъ русскихъ и иностранныхъ, и велись горячіе споры о сценическомъ искусствѣ, объ игрѣ артистовъ и т. д. Представителемъ одного изъ подобныхъ кружковъ былъ талантливый и европейски образованный Павелъ Александровичъ Катенинъ. Его мнѣнія признавались за авторитетъ; его замѣчанія, всегда основанныя на непреложныхъ законахъ логики и эстетики, съ благодарностью принимались молодыми, начинавшими авторами, которые читали ему свои произведенія. Средоточіемъ другаго кружка театраловъ былъ князь А. А. Шаховской, покровитель талантовъ сценическихъ, даровитый и плодовитый писатель для театра. Кружокъ Шаховскаго состоялъ преимущественно изъ людей стараго поколѣнія, относившихся къ молодежи съ высоты строгаго «классицизма»; съ одобрительной, покровительственной улыбкой. Впрочемъ, подвижники театра этого кружка любили его не такъ платонически, какъ принадлежавшіе къ кружку Катенина: друзья и пріатели Шаховскаго не чуждались закулисныхъ интригъ и въ сужденіяхъ своихъ, въ особенности объ актрисахъ, не могли похвалиться безпристрастіемъ. Послѣдователи западныхъ политическихъ идей (будущіе декабристы), тогда большею частію молодые еще люди, не составляя отдѣльнаго литературнаго кружка (до 1820 г.), вращались во всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ сферахъ, одновременно посѣщая ихъ представителей.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, не отдавая особеннаго преимущества одному кружку передъ другимъ, Грибовдовъ одновременно сблизился съ П. А. Катенинымъ, съ Булгаринымъ, Гречемъ и кн. Шаховскимъ. Любезность, остроуміе, искренность Грибовдова обаятельно дѣйствовали на его знакомыхъ. Всесторонне образованный, онъ могъ поддержать съ одинаковымъ так-

¹⁾ Графъ Сергій Павловичъ Потемкинъ, Сергій Никифоровичъ Маринъ, Петръ Николаевичъ Семеновъ, Дмитрій Николаевичъ Барковъ, Павелъ Александровичъ Катенинъ и мн. др.

томъ разговоръ, какихъ бы вопросовъ онъ ни касался: научныхъ, художественныхъ, политическихъ. Свободно изъяснявшійся на четырехъ языкахъ, Грибоѣдовъ (подобно Катенину), смотря въ иностранную книгу, читалъ ее по-русски, въ самомъ вѣрномъ переводѣ, такъ, что хотъ записывать и отдавать въ печать. Отличный музыкантъ, онъ по цѣлымъ часамъ импровизировалъ на фортепiano и, по отзыву современниковъ, можно было заслушаться его импровизаціей. Если во всемъ этимъ способностямъ присоединить пріятную, весьма выразительную наружность, ловкость, изящество манеръ, умѣнье мастерски ѣздить верхомъ, замѣчательную мѣткость въ стрѣльбѣ изъ пистолета, — то портретъ Грибоѣдова, нами очерченный, будетъ возможно полонъ и не трудно представить, какое впечатлѣніе онъ произвелъ въ петербургскихъ гостинныхъ. Здѣсь же Грибоѣдовъ познакомился съ Н. И. Хмельницкимъ и съ Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ,¹⁾ съ которыми оставался связаннымъ узами дружбы до самой кончины.

29-го сентября 1815 года комедія «Молодые Супруги» была въ первый разъ представлена въ Петербургѣ, въ бенефисъ актрисы Семеновой младшей (Нимфодоры Семеновны), и разыграна прекрасно. Ободренный успѣхомъ, Грибоѣдовъ перевелъ (уже при сотрудничествѣ Шаховскаго, Хмельницкаго и Жандра) комедію Барта: «Притворная Невѣрность» (играна въ февралѣ 1817 г.), пять явленій втораго акта комедіи: «Своя Семья» (представленной въ первый разъ 24-го января 1818 года въ бенефисъ г-жи Валберховой) и комедію «Студентъ» (въ прозѣ, при сотрудничествѣ П. А. Катенина).

Въ мартѣ 1816 г. Грибоѣдовъ перешелъ изъ военной службы въ статскую и все свое время посвятилъ литературѣ. На этомъ поприщѣ съ перваго шагу ему пришлось вступить въ полемику, при которой онъ выказалъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ, раздражи-

¹⁾ Скончался года два тому назадъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Когда послѣ событій 14-го декабря князь А. И. Одоевскій скрылся у него въ домѣ, Жандръ его не выдалъ явившимся къ нему сыщикамъ. Говорятъ, что призванный въ Слѣдственную Комиссію и вслѣдъ затѣмъ къ государю Николаю Павловичу, онъ снискалъ совершенное его расположеніе, сказавъ ему: «и вы, ваше величество, на моемъ мѣстѣ не выдали бы!» Въ этихъ словахъ весь характеръ А. А. Жандра.

тельность и авторское самолюбие, не соразмѣрныя съ его первыми слабыми опытами.

Другъ Грибоѣдова — Катенинъ перевелъ балладу Бюргера «Ленора», передѣлавъ ее на русскіе нравы: героиню назвалъ Ольгою, мѣсто дѣйствія изъ Богеміи перенесъ подъ Полтаву, преобразивъ эпоху Семилѣтней войны въ 1709 годъ. Стихи Катенина вообще тяжеловатые, а мѣстами и вовсе неудачные, не понравились Н. И. Гнѣдичу и переводчикъ «Иліады», подъ псевдонимомъ «Жителя Тентелевой деревни», отозвался о переводѣ Катенина не совсѣмъ благосклонно.¹⁾ Грибоѣдовъ вступился за друга и отвѣчалъ въ «Сынѣ Отечества» рѣзкой статьей, основанной на самыхъ мелочныхъ придиркахъ, но въ этой же статьѣ проронилъ и нѣсколько дѣльныхъ замѣтокъ...

Гнѣдичъ не возражалъ и Грибоѣдовъ считалъ себя побѣдителемъ.

На слѣдующій годъ М. Н. Загоскинъ,²⁾ разбирая представленіе комедіи Грибоѣдова «Молодые Супруги», указалъ на нѣкоторые плохіе стихи и довольно скромно замѣтилъ о нихъ словами «Мизантропа» въ русскомъ переводѣ:

«..... Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи!»

Затронутый за живое, Грибоѣдовъ не выдержалъ и, питая вообще нерасположеніе къ Загоскину, какъ къ человѣку и какъ къ писателю (онъ никогда не отдѣлялъ одно отъ другаго), отвѣтилъ своему противнику злымъ стихотвореніемъ. Приводимъ это произведеніе въ томъ видѣ, въ какомъ, переписанное рукою самого Грибоѣдова, оно сохранилось въ бумагахъ Ѳ. В. Булгарина.³⁾

¹⁾ См. «Сынъ Отечества» 1816 г., № 24, стр. 186. Статья Гнѣдича тамъ же: № 27, стр. 3—23. Статья Грибоѣдова въ томъ же журналѣ: № 30, стр. 150—161.

²⁾ См. «Сѣверный Наблюдатель» 1817 г., № 15, Отд. III, стр. 54—56.

³⁾ «Дубочный театр» былъ напечатанъ нѣсколько разъ. Въ «Лѣтописи Русскаго Театра» г. Памепа Арацова (Спб., 1861); въ сборникѣ: «Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности» (Москва, 1867); въ статьѣ: «А. С. Грибоѣдовъ»—Д. А. Смирнова и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе печатаемъ это стихотвореніе въ его вѣрнѣйшемъ спискѣ, руки самаго автора.

Лубочный театръ.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

(Gilbert 1).

Эй! Господа!

Сюда! Сюда!!

Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тѣмъ у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человекъ, безрукая мадамъ,
Взойдите къ намъ!

Добро пожаловать, кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть — вотъ
Рогатый — не рогатый
И всякій скотъ:

Вотъ вамъ Михайло Моськинъ 2)

Вотъ весь его причетъ:

Княгини и

Бяжны,

Князь Фольгинъ и

Князь Блѣскинъ.

Онъ хоть не смѣшны, да самъ за то ужъ олъ

Куда смѣшонъ!

Водиться съ нимъ ей-Богу праздникъ.

Вотъ вамъ его Проказникъ 3)

Спроказилъ онъ пеловко — разъ упалъ

Да и не всталъ.

Но авторъ таковымъ примѣромъ

Не наученъ — грѣшнѣть передъ партеромъ,

Проказить до сихъ поръ:

Что видятъ и что слышатъ,

Онъ обо всемъ исправно издоръ

И говоритъ, и пишетъ.

Вотъ Богатовъ 4) вамъ — особенно онъ мплъ,

Богатъ чужимъ добромъ — все крадетъ, что паходитъ;

Съ Транжирна 5) кафтанъ стащилъ,

Да въ немъ и ходитъ.

1) Кто Музою своей зѣвоту нагоняетъ,
Зачѣмъ отклякнулся, коль имя онъ скрываетъ?

Таковъ въ вольномъ переводѣ смыслъ эпиграфа, авторомъ не переведелпаго

Ред.

2) Во всѣхъ спискахъ: «Вотъ господинъ Загоскинъ».

Ред.

3) Первая комедія Загоскина, игранная въ 1815 г. (См. «Лѣтопись Русскаго Театра», г. П. Арапова, стр. 244).

Ред.

4) Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Играна въ первый разъ въ Слб. 27-го іюня 1817 г съ большимъ успѣхомъ. (См. «Лѣтопись Русскаго Театра», стр. 254).

5) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи кн Шаховскаго: «Полубарскія затѣи».

Ред.

А свѣтскій товъ,
 Не только онъ,
 И вся его бесѣда —
 Переняла у Буйнаго Сосѣда.¹⁾
 Что вы? неужь-то по домамъ?
 Ужь надоѣло вамъ?
 И кстати-ль? ²⁾
 Вотъ Моськинъ-Наблюдатель.³⁾
 А вотъ другой чудакъ⁴⁾... съ нимъ вѣчный состязатель.
 Одинъ напишетъ вздоръ,
 Другой на то разборъ,
 А разобрать труднѣе,
 Кто изъ двонхъ глупѣе?...
 Что вы смѣтаете, господа?
 Писцу насмѣшка не бѣда.
 Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
 Да ужь давно махнулъ рукою;
 Махнулъ перомъ, отдалъ сыграть,
 А вы пожалуй разсуждайте,
 Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
 А вы — читайте.

16-го октября 1817 года.

Грибофдовъ.

При всемъ желаніи автора эти стихи не были въ свое время напечатаны, но Грибофдовъ распространилъ ихъ самъ во множествѣ списковъ.

Тотъ же 1817 годъ былъ ознаменованъ въ жизни Грибофдова двумя событіями: его знакомствомъ съ Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ и А. С. Пушкинымъ, и дуэлью, въ которой будущій авторъ «Горя отъ ума» принялъ участіе въ качествѣ секунданта и даже чуть ни дѣйствующаго лица.

Кюхельбекеръ всей душой полюбилъ Грибофдова и благоговѣлъ передъ нимъ.⁵⁾ Пушкинъ, съ первой встрѣчи съ Грибофдовымъ, по достоинству оцѣнилъ его свѣтлый умъ и дарованія, понималъ его характеръ и, при всемъ томъ, эти два даровитые писателя не сошлись близко. Тѣмъ не менѣе, никого нещадившій

¹⁾ Извѣстная рукописная поэма «Опасный Сосѣдъ», соч. В. Л. Пушкина.
Ред.

²⁾ Рима повторенная и въ «Горѣ отъ ума» въ первомъ монологѣ Загорѣцкаго.
Ред.

³⁾ Во всѣхъ спискахъ: «Загоскинъ-Наблюдатель». Намекъ на его журналъ.

⁴⁾ Въ рукописяхъ: «Вотъ Сынъ Отечества».

⁵⁾ Они особенно тѣсно подружились во время службы В. К. Кюхельбекера въ Тифлисѣ при А. П. Ермоловѣ въ 1822 г.

для краснаго словца, Пушкинъ никогда не затрогиваль Грибоѣдова; встрѣчаясь въ обществѣ, они размѣнивались шутками, остротами, но не сходились столь коротко, какъ, повидимому, должны были бы сойтись два одинаково талантливые, умные и образованные человѣка.

Дуэль, о которой мы упомянули, хотя и не повредила Грибоѣдову въ его общественномъ положеніи, однако, имѣла немаловажно вліяніе на его участь.

Грибоѣдовъ жилъ на одной квартирѣ со своимъ добрымъ пріателемъ, товарищемъ С. Н. Бѣгичева, — графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ.¹⁾ Графъ ухаживаль тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, счастливымъ обожателемъ которой былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховскаго, бываль у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ, послѣ спектакля, пить чай. Истомина согласилась; но, опасаясь возбудить подозрѣнія въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостиного двора, къ которому обѣщала подѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣль, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго и этого было достаточно. Пріятель Шереметева — ѹланскій штабъ-ротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театраль, шалунъ и забіяка, посовѣтоваль ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая, въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Тогда дуэли были въ ходу и гвардейцы александровской эпохи частенько обмѣнивались пистолетными выстрѣлами. Шереметевъ вызваль Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только

¹⁾ Графъ Александръ Петровичъ скончался лѣтъ десять тому назадъ. Это былъ добрѣйшій и благородѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, не смотря на многія свои чудачества. Съ него Грибоѣдовъ списаль своего князь Григорія:

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моригт.

«Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка!»

Ред.

11

помѣняться мѣстами, т. е., чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Заводовскому—съ Шереметевымъ. Эта двойная дуэль состоялась — и при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходиться на шесть шаговъ, при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были: докторъ Іонъ и гусаръ Каверинъ — извѣстный кутила, незабываемый Пушкинымъ въ его «Онѣгинъ». ¹⁾ Первая очередь была предоставлена Заводовскому и Шереметеву: оба они отлично стрѣляли, но Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Заводовскаго.

— «А!» произнесъ графъ, «такъ онъ хотѣлъ убить меня... Къ барьеру!» ²⁾

Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника. Заводовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева, но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Заводовскій долженъ его убить, если самъ, рано или поздно, не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему чрезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, предложивъ ему отсрочить ихъ дуэль до благопріятнѣйшаго времени... Она состоялась въ Тифлисѣ осенью слѣдующаго года.

Послѣ трехдневныхъ страданій, Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу и виновные подверглись, относительно говоря, весьма легкому наказанію: графъ Заводовскій былъ высланъ за границу, Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ, въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему нелегко было примириться съ собственной совѣстью, долгое время не дававшей покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно раненнаго Шереметева; что, наконецъ, пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо. Знакомый

¹⁾ «Евгеніи Онѣгинъ», глава первая, строфа XVI:

Къ Талон помчался; онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ.

²⁾ Ah, il en voulait à ma vie... à la barrière!

съ Грибоѣдовымъ Мазаровичъ, тогда повѣренный Россіи въ дѣлахъ въ Персіи, предложилъ Грибоѣдову, служившему при иностранной коллегіи, ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ принялъ это предложеніе и 30-го августа 1818 года выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Прибывъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ видѣлся съ Ермоловымъ и встрѣтилъ Якубовича, съ которымъ и поспѣшилъ кончить отсроченные счета. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ. Это увѣчье, черезъ одинадцать лѣтъ, помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ Тегеранскою чернью. Эта дуэль была послѣдней данью, которую Грибоѣдовъ заплатилъ молодости. Въ томъ же самомъ Тифлисѣ ему суждено было найти и подругу жизни—и могилу.

Ермоловъ, бывшій тогда на вершинѣ своего могущества, нѣсколько времени сердился на Якубовича и на Грибоѣдова; потомъ смѣнилъ гнѣвъ на ласку и, прощаясь съ Грибоѣдовымъ, назвалъ его «повѣсою, но со всѣмъ тѣмъ прекраснымъ человекомъ».

Судя по путевымъ запискамъ, которыя велъ Грибоѣдовъ до самаго Тегерана,¹⁾ хваленый востокъ не произвелъ на него обязательнаго, вдохновляющаго впечатлѣнія. Юноша годами, мужъ умомъ и сердцемъ, Грибоѣдовъ уже смотрѣлъ на окружавшую его природу безъ поэтическаго увлеченія, безъ восторговъ, безъ ослѣпленія лицевой стороною восточной жизни—этой пестрой смѣси грязи и золота, роскоши и нищеты, нѣги и истязаній. Его путевыя замѣтки писаны отрывисто, нѣ-скоро, но Грибоѣдовскимъ перомъ: немногими словами онъ нерѣдко высказываетъ многое.

Въ Тегеранъ Грибоѣдовъ прибылъ 8-го марта 1819 года, и черезъ три мѣсяца переселился въ Тавризъ. Прилежно занимаясь

¹⁾ Отрывки, сохранявшіеся въ рукописи, были напечатаны Д. А. Смирновымъ въ «Русскомъ Словѣ»; нѣтъ-же напечатана въ сборникѣ «Бесѣды въ Обществѣ Любителей россійской словесности» (Москва 1867) интересная статья о Грибоѣдовѣ, въ защиту его отъ обвиненій партизана Дениса Давыдова по поводу отношеній Грибоѣдова къ Ермолову.

изученіемъ Персидскаго языка, онъ, помимо исполненія служеб-ныхъ своихъ обязанностей, единственно по влеченію добраго своего сердца, обратилъ вниманіе на освобожденіе русскихъ плѣнныхъ и на переселеніе ихъ въ Россію вмѣстѣ съ бѣглецами, проживавшими во владѣніяхъ Фетхъ-Али-шаха еще со времени первой кампаніи 1803 года. Само собою разумѣется, что въ чело-вѣколюбивомъ своемъ намѣреніи онъ встрѣтилъ затрудненія и препятствія. Вѣроломная персидская политика не стѣснялась никакими средствами, чтобы удержать плѣнныхъ. По приказанію Наибъ-Султана (сына Фетхъ-Али-шаха), для возмущенія на-рода противъ русской миссіи пущены были въ ходъ подметныя письма; плѣнныхъ, изъявившихъ согласіе возвратиться въ Россію, подвергали истязаніямъ; подкупали, чтобы они оставались; запугивали ихъ разказами о наказаніяхъ, будто бы ожидающихъ ихъ на родинѣ и т. д. Трудно было Грибоѣдову бороться съ цѣлой массой происковъ, но сила воли его не ослабѣвала.... «Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ», писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, будто подъ наитіемъ пророческаго вдохно-венія. Преодолѣвъ всѣ преграды, онъ достигъ, однако, своей цѣли: множество плѣнныхъ было переселено въ Россію; нена-висть Персидскаго правительства затихла и черезъ два года Гри-боѣдовъ уже пользовался пріязнью Аббаса-Мирзы, сына и на-слѣдника Фетхъ-Али-шаха.

Ровно три года Грибоѣдовъ провелъ въ Персіи. Языкъ этой страны онъ изучилъ въ совершенствѣ; ознакомился съ нравами и обычаями этого края, изучилъ и характеръ народный, осно-вами котораго издревле были жестокость, коварство и вѣролом-ство. Характеръ самого Грибоѣдова сложился окончательно въ эти три года: по прежнему добрый, но нервный, раздражитель-ный, онъ утратилъ юношескую веселость и беззаботность. Образъ жизни его былъ воздерженъ и скромнъ: онъ не давалъ лишней воли страстямъ и единственной его слабостью можно было на-звать развѣ только его любовь къ лакомствамъ, на которыя такъ изобрѣтателенъ востокъ. Въ томъ убѣжденіи, что званіе секре-таря посольства обязываетъ его жить, до нѣкоторой степени, рос-кошно, особенно при дворѣ шаха, при которомъ пышность слу-жить мѣриломъ знатности, — Грибоѣдовъ держалъ многочислен-ную прислугу. Обхожденіе его съ нею было вообще ласковое и

снисходительное; изъ всей прислуги особеннымъ расположеніемъ пользовались его молочный братъ Александръ Грибовъ и нѣкто Амликъ—дядька Грибоѣдова, всей душою къ нему привязанный. Рассказывая о пребываніи Грибоѣдова въ Персіи, нельзя умолчать о томъ странномъ событіи въ его жизни, о которомъ онъ разсказалъ самъ въ своихъ «Запискахъ».

Какъ-то лѣтомъ 1821 года, утомленный знаніемъ, онъ заснулъ въ садовомъ кіоскѣ. Снилось ему, будто онъ на родинѣ, въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ новой, имъ написанной, комедіи и читаетъ изъ нея отрывки. Тотчасъ по пробужденіи, Грибоѣдовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ загадочной грезы, записалъ сюжетъ и набросалъ первыя сцены приснившейся ему комедіи. Такъ, по собственному его сознанію, родилась въ Грибоѣдовѣ мысль написать «Горе отъ ума». Онъ прилежно занялся ею и комедія была окончена въ слѣдующемъ же году въ Тифлисѣ.

Служебные труды Грибоѣдова обратили на него вниманіе правительства. 3-го января 1822 года онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, получивъ разрѣшеніе носить орденъ Льва и Солнца 2-й степени, пожалованный ему Персидскимъ шахомъ. Въ февралѣ, согласно желанію, Грибоѣдовъ былъ уволенъ отъ должности при миссіи съ назначеніемъ состоять по дипломатической части при А. П. Ермоловѣ. Вполнѣ довольный своимъ назначеніемъ, онъ отправился въ Тифлисъ и пробылъ здѣсь до марта 1823 года; затѣмъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ въ Москву и Петербургъ. Въ Тифлисѣ, помимо служебныхъ обязанностей, Грибоѣдовъ занялся окончаніемъ и отдѣлкою своей комедіи: исправлялъ дѣлыя сцены, дополнял и сокращалъ ихъ; обдѣлывалъ свои дивныя стихи, изъ которыхъ многіе впоследствии вошли въ пословицы, распространившіяся по всей Россіи.

Какого мнѣнія былъ самъ Грибоѣдовъ о своемъ образцовомъ произведеніи: могъ-ли онъ не сознавать достоинствъ и врасотъ, превосходящихъ слабыя стороны безсмертной комедіи? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ въ слѣдующемъ его письмѣ къ П. А. Катенину. Подлинникъ этого письма, въ числѣ нѣсколькихъ любопытныхъ автографовъ, подаренъ П. А. Каратыгину покойнымъ Александромъ Андреевичемъ Катенинымъ, двоюроднымъ братомъ Павла Александровича. Шестъ лѣтъ тому назадъ оно было напечатано въ одномъ, весьма мало распространенномъ журналѣ,

а потому не обратило на себя никакого вниманія ни публики, ни рецензентовъ. Вотъ это письмо.

«Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь-ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсуети пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ (однако) истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей. Не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ; нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчій съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за чѣмъ онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ,—и это порокъ: «шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ: что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты! Его насмѣшки незвѣтельны, куда его не взбѣсятъ, но все-таки: «не человѣкъ! змѣя!» а послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаемѣ: «унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!» Не терпять подлости: «Ахъ! Боже мой, онъ карбонари!» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства и до него доходить, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь ¹⁾ тоже разочарована на счетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? «Сцены связаны произ-

¹⁾ Такъ, вѣроятно, Грибовдовъ въ своемъ письмѣ назвалъ Софью Павловну. Ферзь — женская фигура въ шахматахъ.

вольно-¹⁾ Такъ же какъ и въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе увлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «Характеры портретны».²⁾ Да! я коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты, и только портреты, входятъ въ составъ комедіи и трагедіи, въ нихъ, однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а нныя всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не тайся и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc., etc., etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальнію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: «Мѣщанинъ во дворянствѣ», «Мнимый больной» — портреты, и превосходные; «Скупецъ» — Антропосъ собственной фабрики, и несносенъ.

«Дарованія болѣе, нежели искусства».³⁾ Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою-ли ее? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытверженнаго, приобрѣтеннаго потомъ и содѣйствіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е., дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Въ продолженіе вышеупомянутыхъ трехъ лѣтъ, проведенныхъ

¹⁾ Вѣроятно, по замѣчанію Катенина.

²⁾ Тоже.

³⁾ Слова Катенина

Грибовдовымъ вдали отъ родныхъ и друзей, онъ велъ съ ними исправную переписку, которая особенно развилась въ бытность его въ Тифлисъ. Изъ числа неизданныхъ писемъ, относящихся къ этому времени, приводимъ слѣдующее, написанное къ В. К. Кюхельбекеру ¹⁾ и любопытное во многихъ отношеніяхъ:

Тифлисъ, 1-го октября 822 г. (начало письма).

«Любезный Вильгельмъ! Пеняй на мою лѣнь и правъ будешь. Дивлюсь, коли сохранилъ ты ко мнѣ хотя исеру любви, признаю себя совершенно недостойнымъ. Сколько времени утекло! Сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо изъ Харькова, объ которомъ ты упоминаешь, до меня не дошло, слѣдовательно, благодарю не читавши.

«Изъ послѣдняго, отъ 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругомъ пошла. На которую памѣтилъ неудачно? Назови А я, въ отраду, научу тебя преданію изъ книги, прежде всѣхъ вѣкъъ изданной. Эрутъ и Мерутъ были два ангела, ниспосланные Богомъ для отвращенія челоуѣковъ отъ соблазновъ любви. Тогда же долу спустилась планета Венера (*o n j*) въ лицѣ жены прелестной. Послы Господни ее увидѣли, смутились въ сердцахъ своихъ, къ ней прилѣпились всею силою чувства..... какъ вдругъ взвилась она высоко отъ желателей и воспріяла свое мѣсто въ тѣлахъ небесныхъ. Два ангела — вслѣдъ за нею, но охватили мракъ и пустоту. Вымыселъ стоитъ Иксионова, а тебѣ дано ихъ обоихъ оправдать своими опытами.

«Согласись, мой другъ, что утративши теплое мѣсто въ Тифлисъ, гдѣ мы обогрѣвали тебя дружбою, какъ умѣли, ты многого лишился для своего спокойствія. По крайней мѣрѣ, здѣсь не столько было искушеній: женщины у насъ, коли поблаговиднѣе, укрыты плотностію чадера, а нашихъ одноземокъ природа не вооружила черными волшебствами, которыя души губятъ: любезностію и красотою. Ей Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?... Теперь, въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю

¹⁾ Это письмо, вмѣстѣ со многими другими бумагами и записками В. К. Кюхельбекера, предоставлено въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» его дочерью Ю. В. Косовой и племянницей А. Г. Глинкою. Ред.

изрѣдка свое, или чужое; а людямъ — ничего; некому. Кабы могъ я предложить тебѣ нельстивыя надежды, силою бы вызвалъ обратно. Этому не сбыться; хочешь-ли покуда слышать о пріятеляхъ обоего пола?

«Гр. Симоночъ женился на хорошенькой княгинѣ Аннѣ Атаровнѣ. Грека, рыцаря промышленности, выгнали отъ Ахвердовыхъ и я при этомъ острацизмѣ былъ очень дѣятеленъ.

«Генеральша Крабе по прежнему родить дѣтей, какъ печатаеть.

«Умерли: Наумъ, Юргенсонъ и Мишхарбатъ Бебутовъ, Шпренгель, etc., etc.

«Только что было росписался, повѣстили мнѣ объ отъѣздѣ съ г. Клендсъ въ Кахетію; это третье путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.....

Январь, 823 г. (окончаніе письма).

«И сколько разъ потомъ я еще куда-то ѣздилъ. Цѣлые мѣсяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись въ мучительной долготѣ. Оставляю начатыя строки въ свидѣтельство, что не теперь только ты присутственъ въ моихъ мысляхъ.

«Однако, куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностію, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ Арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ, съ тѣхъ поръ, налегла на меня необъяснимая мрачность. А. П.¹⁾ смѣялся; другіе—тоже, и напрасно. Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ! помяни Ам.лиха, вѣрнаго моего спутника въ теченіи 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ пріѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ клали. Кого еще скоситъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы,—Коцебу, напрімѣръ,—обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ-будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторично пуще себя! Ахъ, эти, избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc., etc. Переселилъ

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго, — страдаетъ болѣзнію ближняго, випить при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи; чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!

«Сокращу печальныя мои выходы; а все легче, когда такъ распишешься!

•Объявляю тебѣ отъѣздъ мой за тридевятъ земель, словно на мнѣ отягчѣло пророчество: И будетъ ти всякое мѣсто въ предвиженіе.

Пиши ко мнѣ въ Москву, на Новинской площади, въ мой домъ. А тамъ, авось-ли еще хуже будетъ! Давеча, на примѣръ, приносили шубы на выборъ: я, года четыре, совсѣмъ позабылъ объ нихъ. Но какъ же безъ того отважиться въ любезное Отечество! Тяжелыя. Плечи къ землѣ гнетутъ. Точно трупы, запахомъ заражаютъ комнату всякія лисицы, чекалки, волки... И вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непременно растерзать звѣря и окутаться его кожею, чтобъ потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ! Прощай мой другъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портретъ А. С. Грибоѣдова.

Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о приложенномъ при настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“ портретѣ А. С. Грибоѣдова.

Оригиналъ принадлежитъ г. Третьякову и находится въ его портретной галлерей въ Москвѣ; писанъ онъ талантливымъ художникомъ, академикомъ Иваномъ Николаевичемъ Крамскимъ. Пересмотрѣвъ и сличивъ между собою всѣ гравированные портреты Грибоѣдова, г. Крамской призналъ вполне необходимымъ остановиться на литографированномъ портретѣ, приложенномъ къ изданному Е. Серчевскимъ „Собранію сочиненій Грибоѣдова“, какъ наиболѣе удовлетворительномъ его изображеніи, снятомъ съ аэварели, рисованной на память артистомъ П. А. Каратыгинымъ.

Сличивъ съ этой литографіей еще миниатюрный портретъ на слоновой кости, снятый П. А. Каратыгинымъ съ Грибоѣдова, художникъ на основаніи этихъ данныхъ превосходно исполненнымъ произведеніемъ постарался разрѣшить задачу трудную — написать первый, дѣйствительно схожій портретъ автора „Горя отъ ума“.

Руководствуясь изустнымъ разсказомъ П. А. Каратыгина о наружности Грибоѣдова, г. Крамской писалъ какъ-бы „подъ диктовку“ и воскресилъ талантливою кистью наружность славнаго писателя. Желая затѣмъ провѣрить себя и убѣдиться, дѣйствительно-ли ему удалось уловить сходство, цвѣтъ и выраженіе лица поэта, художникъ показывалъ портретъ, еще на мольбертѣ, нѣкоторымъ особамъ, лично знавшимъ Грибоѣдова, и всѣ они были поражены удивительнымъ сходствомъ и тѣмъ выраженіемъ ума и граціи, которымъ дышали черты Грибоѣдова.

Долгомъ себѣ поставляемъ выразить Ивану Николаевичу Крамскому глубокую признательность за сообщеніе редакціи большой фотографической копій съ его мастерскаго произведенія.

Копія въ уменьшенномъ видѣ, по формату „Русской Старинѣ“, исполнена извѣстнымъ фотографомъ С. Л. Левицкимъ. Портретъ рисованъ на деревѣ К. О. Брожемъ, гравировалъ его академикъ граверъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковъ.

Ред.